

Семейные Истории

Наталья СМЕТАННИКОВА,
президент Русской ассоциации чтения

Швейная машинка

- Бабушка, ты умрёшь?
— Умру.
— Тебя в землю закопают?
— Закопают.
— Вот когда я твою
швейную машинку
буду вертеть!

Эту шутку К. Чуковского во времена моего детства знали и дети, и взрослые, но в нашей семье она имела и другое значение. С неё обычно начиналась пикировка моего младшего брата и бабушки. Он заворуженно смотрел на чудо «Зингер» выпуска начала XX века. Бабушка говорила, что этой швейной машинке лет чуть меньше, чем ей, а она родилась аж в 1899 году.

В 1956-м машинка прекрасно работала, и на ней бабушка собирала «экипировку» внучке в школу. Надо было сделать из длинных шаровар — короткие спортивные, сшить мешок для тапочек, подкоротить школьное платье и фартуки — белый на 1 сентября и чёрный — на каждый день. Как хотелось маленькому Витеньке покрутить колёсико! А бабушка всё повторяла: «Ты учишь её смазывать да ремонтировать. Будешь помогать Наташеньке её содержать в порядке, а уж шить я буду её учить. И берегите её, как зеницу ока — она верно нашей семье служит!» И в который раз мы просили её рассказать замечательную историю «про швейную машинку».

Теперь я сама бабушка, и пришла пора мне передать историю семейной реликвии моим внукам Машеньке и Дашеньке.

Моя бабушка Надя росла в хорошей, дружной семье. Когда ей было лет 13–14,

её старшую сестру Марию выдали замуж за красавца военного, и уехали они из родных мест в далёкий Санкт-Петербург.

Следом туда на учёбу был отправлен и старший брат. Осталась Надёшка, так звали девочку в семье, с родителями одна. Мама учила девочку грамоте и музыке, рукоделию и ведению большого и сложного поместного хозяйства. Летом отец съездил в Петербург и привёз чудо — швейную машинку и огромный сервиз на 12 персон — «Кузнецовского фарфору». Это родители начали собирать приданое младшенькой — ведь ей шёл уже пятнадцатый годок, надо было готовить дочку к замужеству. Только той зимой случилось большое горе: заболела и вскоре умерла мама Вера. Отец не смог справиться с горем — запил горькую. «Без матери, да при пьющем отце дитя сирота», — так решили дядья да тётки и стали искать Надёшке «партию».

В родные края проведать мать Катерину Федуловну, дочку сельского попа, приехал из Петербурга сын Александр. Он в городе выучился на инженера, работал, да горе у него случилось — жена умерла родами.

Тридцатилетнему вдовцу нужно было вновь создавать семью. Вот и решили родственники поженить Александра и Надёшку. Шестнадцатилетняя Наденька была хоть и благородных кровей, да бесприданницей. Отец-то всё пропивал и пропивал нажитое, да и поводов было немало: началась империалистическая война, погиб сын, да и от старших не было вестей.

На этом месте маленькая Наташа всегда перебивала бабушкину историю: «Как же так? Как же можно выходить замуж,

не зная человека? А любовь?» И бабушка, почти как у Пушкина, отвечала:

— Не знала я тогда, что такое любовь. Думала лишь о том, как мне выжить, как создать свой дом. Да и старшим родственникам мы доверяли. Не могли дядья и тётки отдать меня в плохие руки.

Так, получив в наследство швейную машинку и сервиз, справив шестнадцатилетие и свадьбу, Надежда Алексеевна Бубнова, урождённая Филина, отбыла в Санкт-Петербург.

Санкт-Петербург, по её словам, в 1915 году уже не был весёлым городом. Война есть война. Мужчин в городе было мало, а тёмных людишек — много. Тем не менее молодые поселились в большой квартире на Невском, правда, на первом этаже. Не заметить красивую, хорошо одетую и скромную молодую женщину было невозможно. К тому же она была приветлива и доброжелательна. Подружилась она с семьёй, жившей неподалёку, — дирижёром и певицей Мариинского театра. А вскоре её пригласили в их дом работать. Наденька следила за гардеробом певицы и вела хозяйство в их доме: господа артисты, несмотря на войну, ещё принимали гостей. Здесь и пригодились Наденьке и наука о хозяйстве, и швейная машинка!

Наступивший 1917 год принёс новые невзгоды на фронте. Всё больше и больше родственников и знакомых покидали Россию. Уехали и «артисты», наказав присматривать за квартирой.

Октябрьская революция не воспринималась тогда как глобальное событие. Скорее, это была смена власти в городе, который, по существу, и защищать было некому — все «серьёзные мужики» были на фронте. Страх пришёл позже — когда начали конфисковывать имущество и квартиры, когда наступили голод и холод. Собрав узелок с вещами и захватив швей-

ную машинку, Надежда и Александр вернулись в родную Рязанскую губернию, в дом родителей Александра. Катерина Федуловна обрадовалась их возвращению, так как жить ей одной стало трудно.

О Катерине Федуловне бабушка рассказывала с большой теплотой, навеки поселив в сердцах детей и внуков уважение к родителям мужа — свёкрам. Катерина Федуловна была женщиной грамотной, помогала всем читать и писать личные письма, деловые бумаги, газеты. После её смерти эта обязанность перешла к бабушке. Катерина Федуловна хорошо пела. От неё бабушка выучила песню, которую помнила до конца своих дней: о том, как Наполеон спалил в 1812 году Москву: «Горел костёр Московский».

В те годы на Рязанщине в основном выращивали картофель. Катерина Федуловна же выписала из столицы садовника, и он ей развёл настоящий фруктовый сад — 100 корней яблонь да груш, и вишни впридачу. Основной урожай яблок собирали и отправляли на продажу в Рязань. Остальное сушили, мариновали, делали уксус и домашнее вино. Вот такое хозяйство приняли Александр и Надежда, а затем и родившиеся их четверо детей. Три дочки и один сыночек рано начинали работать: старшая Люба следила за младшими, все вместе собирали упавшие яблоки, резали и раскладывали их на сушку. Самой заводилой среди детей была средняя Екатерина, названная в честь любимой Катерины Федуловны. Только бабушки Катерины вскоре не стало.

Девочки, как и все девочки во все времена, любили наряды, красивые вещи в доме и вкусную стряпню. Воспитывая детей, Надежда и учила каждую дочку своему ремеслу. Старшая Люба отвечала в доме за вязанье и вышивание: постели должны были быть с кружевными подзорами и наволочками, пододеяльники и салфетки — с вышивкой. Носки, варежки, шали и шапки — всё изготовлялось своими руками.

Катенька с детства была «нарядницей». Любишь красивые и новые вещи — учишь шить сама, говорила мама. Маленькая Тамара с детства умела печь блины и пироги с яблоками — такие, что не стыдно было и гостей угощать. А сын Алексей отвечал вместе с отцом в доме за всю мужскую работу: ведь надо было рубить дрова для печи, пахать

землю, работать в поле, следить за садом, возить и сдавать перекупщикам яблоки. Отработав в огороде, Надежда садилась за машинку — перешивала, чинила, шила одежду на всю семью. Каждый лоскуток нужен был в доме: ведь то были тяжёлые голодные двадцатые годы, когда гроыхала Гражданская война. Александр не примыкал ни к белым, ни красным. У него в эти годы начала развиваться слепота: когда-то в кузнице ему в глаз попала горячая искра.

Труд, взаимное уважение и любовь к детям помогали семье выжить в эти страшные годы. Время шло, война и послевоенный разбой стихали, существование семьи медленно приобретало какие-то черты жизни.

Однажды ночью в окошко тихо постучали. Пришёл сосед и прошептал: «Саша, Надя — бегите. Ваш дом крыт железом. На поселковом совете постановили: те, у кого крыша железная — кулаки. Решили дома сжечь, а кулаков отправить в Сибирь». В ту же ночь Александр и Надежда, забрав узелок с вещами, четверых детей и... швейную машинку, оставили родной дом.

Куда бежать? В Петербург нельзя — боялись не слишком знатного, но всё же не пролетарского происхождения. В Москве обосновался брат Александра Иван — инженер путей сообщения: путеец, или, на сегодняшнем языке, — железнодорожник. Родственные узы в те годы были святы, не мог Иван не помочь брату.

Добралась семья до Москвы не быстро. Иван обрадовался, что семья брата сохранилась, помог ему устроиться на работу в депо. Семье разрешили занять маленькую комнату в двухэтажном доме, и начали они жизнь заново в третий раз.

Надежде нужна была хоть какая-то работа. Хлеб отпускали только по карточкам, а надо было кормить четверых детей. Помогла... опять швейная машинка! В бане надо было приводить в порядок полотенца и простыни. По вечерам там же можно было работать дополнительно — мыть лавки и полы. Ни от какой работы не отказывалась... и шила, и убирала, и писала, и считала, и жила тихо-тихо, боялась, что опять что-то страшное нарушит жизнь семьи. И не ошиблась. Заболел воспалением лёгких и умер муж Александр — опора, друг, отец четверых детей.

— Бабушка, а ты его полюбила? — как всегда не унималась внучка Наташенька, когда просила рассказать «про швейную машинку» в сотый раз.

— Ты же меня уже спрашивала.

— А ты ответь ещё раз.

— Конечно, полюбила. Он был надёжный и верный, порядочный и ответственный, любящий и любимый. И ты обязательно встретишь такого.

— А как я узнаю?

— Я тебе подскажу. Ты же помнишь, что рядом с молодыми всегда есть надёжные взрослые, которые им помогают сделать выбор.

— Ладно, рассказывай дальше.

Трудно сказать, что было сложнее — начинать жизнь с нуля вдвоём или продолжать её в одиночестве. Ответственность за детей заставляет тебя бороться, но сердце женщины не выносит одиночества. Оно сначала горюет и плачет, а потом каменеет. Женщине нужно утром и вечером смотреть в любимые и любящие глаза, тогда она остаётся женщиной долгие годы, иначе она быстро стареет.

Швейная машинка продолжала помогать семье. Дети учились в школе, и всю одежду для них Надежда перешивала, перелицовывала сама. К лету у девочек были новые ситцевые платья, к зиме — байковые, а у Лёньки, так звали Алёшу в семье — новые рубашки. О себе Надежда стала медленно забывать.

Лоскутные одеяла, лоскутные скатерти и лоскутное постельное бельё, но всё с кружевами и вышивкой — таким был дом семьи в те годы. Вскоре старшая дочь пошла работать, зато средние — Лёнька и Катюшка — хорошо учились в школе. Лёнька мечтал стать машинистом, а Катенька — окончить десятилетку. Но этого не случилось, так как началась Отечественная война, и в 1941 году они оба ушли на фронт. Старшая Люба работала санитаркой в военных поездах, которые вывозили с фронта раненых. Катя служила в артиллерийском полку, наводя орудия на самолёты противника. Лёнька погиб в начале войны, когда в качестве помощника машиниста вёл на фронт поезд.

Надежда с младшей Тamarой прятались в бомбоубежищах, собирали мёрзлую кар-

тошку и морковку с необранных полей, рыли окопы вокруг Москвы, плакали по погибшим и ждали известий от живых. Это опять была голодная, тревожная, страшная жизнь. Они опять старались выжить.

В 1943 году вернулась с фронта Катя: у неё испортилось зрение, и она не могла больше находиться на передовой. Её отправили на курсы финансистов, после которых она должна была продолжать служить при штабе. Люба вышла замуж и работала теперь в санитарном поезде вместе с мужем. Тамару взяли работать в заводскую столовую. Надежда немного успокоилась — девочка уже не умрёт от голода. Только нужно было из старой Катинной шинели сшить ей зимнее пальто, а то ведь без него и до работы не добежишь. За работу, дорогой мой «Зингер»!

Следующий раз машинка заработала только весной 1945 года — когда пришла Победа! Тогда вновь из старых лоскутов шились платья. Какие же были девочки красивые после военной формы и шинелей! Но форма надолго ещё осталась в жизни семьи Надежды. Любовь Бубнова потеряла мужа в конце войны, и сама еле выжила, когда бандиты выбросили бдительную проводницу из мчавшегося поезда. Форму проводницы она носила ещё многие и многие годы.

Катя получила направление в Военный Институт иностранных языков, стала курсантом переводческого факультета, а затем переводчицей румынского языка. Почти десять лет её основной одеждой оставалась военная форма. Формой Тамары стал белый халат и колпак, она осталась на кухне — стала первоклассным поваром. Не очень-то стала нужна швейная машинка. Не хотели большие молодые женщины изготовленных дома платьев. Только по-прежнему вшивались самодельные кружева в постельное бельё, скатерти и салфетки, по-прежнему Надежда шила фартуки и нарукавники для домашней уборки.

Катя вышла замуж, и у неё родилась девочка, которую именно бабушка Надя назвала Натальей. Затем и Тамара вышла замуж, и у неё родился сын Виктор. Дети росли вместе как брат и сестра, и много позже поняли, что они двоюродные.

Швейная машинка опять работала! Пелёнки, подгузники, распашонки, чепчики,

одеяльца — много надо малышам! Современные мамы уже и слов многих не знают и не представляют, что в лучшем случае в магазине можно было купить ткань и «достать» что-нибудь из одежды. Долго ещё нужны были бабушкины умелые руки!

Позднее, когда малыши подросли, бабушка Надя всё равно всегда для них что-нибудь шила, вязала или вышивала, но при этом ещё что-нибудь рассказывала. Сначала это были сказки, а потом истории. Любимые истории повторялись, дополнялись, запоминались на всю жизнь — как и эта — «про швейную машинку»!

Но на этом история швейной машинки не закончилась. Она досталась в наследство внучке Наташеньке. Вместе с ней она путешествовала по разным странам, и там тоже случались разные истории.

За долгие годы служения у швейной машинки сломалась ручка. Когда Наталья принесла её в магазин, то продавцы фирмы «Зингер» попросили её обменять эту старую модель, по их мнению, 1901 года, на любую новую. Они собирались выставить этот образец для рекламы своей компании. Но разве можно расстаться с семейной реликвией!

Сейчас она стоит на почётном месте в доме на даче. Когда бабушка Надежда узнала, что москвичам стали «давать сотки» под дачные участки, она настояла, чтобы Катя и Коля немедленно его купили. Сейчас на нём раскинулся яблоневый сад, в котором живы бабушкины 50-летние яблони, 40-летние яблони родителей и 30-летние наши яблони. Много лет в дачном доме висели занавески и лежали скатерти, сшитые бабушкой. Да и сейчас я часто рукодельничаю сама, пользуясь любимой швейной машинкой. Почему?

Наверное, чтобы сохранить память о родных и близких. И ещё потому, что многие вещи живут дольше людей, они сохраняют, накапливают и передают силы и умения от тех, кто ими пользовался, тем, кто берёт их в руки сегодня.

И ещё потому, что я очень хочу, чтобы мои внучки научились пользоваться швейной машинкой и сохранили её как семейную реликвию. Эта история вместе с машинкой останется им в наследство.

8 июля 2007 года
г. «Сосны» д. Проводы